

Любовь Комолова

Я хочу чтобы ты плакала

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Комолова

Я хочу чтобы ты плакала

«Автор»

2026

Комолова Л.

Я хочу чтобы ты плакала / Л. Комолова — «Автор», 2026

Потеряв родителей, Джесс находит приют в сердце Монтаны у своего деда. Единственным лучом света в мрачном мире становится Кайл — парень, который понимает её с полуслова. Но то, что случилось тем летом, разрушило не только их юную любовь, но и жизни вокруг. Спустя годы они встречаются вновь, чтобы либо добить друг друга, либо наконец простить. Но злая шутка судьбы оказалась слишком жестокой...

© Комолова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Любовь Комолова

Я хочу чтобы ты плакала

Глава 1

Безмолвное чувство одиночества поедает изнутри душу каждого из нас — даже когда мы окружены толпой людей. Переживать это чувство приходится изо дня в день. И как бы ни пытался настроить себя на мысль, что ты вроде и не один, всё равно в жизни наступают моменты, когда это чувство прожигает грудную клетку.

В моём случае я была одна почти с самого детства. Всё началось, когда не стало моих родителей. Это было 15 лет назад, когда мне было девять. Как сейчас помню ту дождливую осень в Чикаго — даже зонт, резиновые сапоги и дождевик не спасали от пронизывающей сырости. Капли стучали по капюшону, улицы казались бесконечно пустыми, и каждый шаг отдавался в груди глухой тишиной, которой раньше я не замечала. Тогда я впервые по-настоящему поняла, что значит остаться наедине с собой — и как страшно, когда некому просто сказать: «Всё будет хорошо».

Моя жизнь тогда поделилась на «до» и «после». Мама, папа и я ехали с дня рождения кузины Келли Морган — с папиной стороны. Дождь лил как из ведра, потоки воды стекали по стёклам, будто мир за пределами машины растворялся в серой пелене. Музыка в машине играла громко — кажется, папа специально включил её, чтобы перекрыть этот бесконечный стук капель, заглушить тревожное ощущение, что дорога стала врагом. А дороги и правда не было видно даже за десять метров: фары выхватывали лишь узкие островки мокрого асфальта, и эти островки казались такими хрупкими, словно их вот-вот смоем очередной волной ливня.

Я сидела на заднем сиденье и отвлекалась на игрушку — зайчика. Его мягкая шерстка уже порядком истрепалась, но я всё равно крепко прижимала его к себе, зарываясь носом в ткань, которая пахла домом и уютом. В тот момент он был моим маленьким щитом от всего, что творилось снаружи. Я смотрела в окно, где дождь рисовал на стекле бесконечные косые линии, и думала, что если держаться за зайчика посильнее, то всё обязательно будет хорошо.

А потом всё изменилось в один миг. Резкий звук, скрежет, толчок, от которого меня швырнуло вперёд, хотя ремень удерживал крепко. Музыка оборвалась посреди фразы, и вместо неё в уши ворвался вой ветра, грохот ливня и чей-то крик — кажется, мамин. В ту секунду время будто раскололось: до этого мгновения я была просто девочкой, которая ехала домой с праздника, а после — стала той, кто остался один на один с тишиной, которая теперь звучала совсем по-другому.

Когда всё стихло, в машине повисла странная, тяжёлая тишина, нарушаемая только стуком дождя по крыше. Я не сразу поняла, что произошло. Помню, как тихо позвала маму, потом папу, а в ответ — ничего. Только этот бесконечный дождь, будто он смывал не только дорогу, но и всё, что было раньше. И тогда я впервые почувствовала, как одиночество не просто приходит — оно врывается в жизнь, переворачивая её с ног на голову, оставляя после себя пустоту, которую ничем не заполнить.

Тогда я осталась одна. Так я думала, вернее, хотела думать. После похорон началось самое ужасное. Сначала меня хотели пристроить в детский дом. Мой незрелый мозг вообще не понимал, что это такое и что там меня ждёт, — я вообще думала, что это какойто лагерь,

вроде тех, куда родители обычно отвозили меня на лето. И вот, когда опека уже начала собирать необходимые документы, в Чикаго приехал мой дедушка Роберт, мамин отец.

Он всячески оспаривал решение суда, уверял, что справится с моим воспитанием. Нанимал юристов, ходил на заседания, не сдавался ни на минуту — и всё же выиграл дело. Так я оказалась в Монтане, на его ферме. Там пахло сеном и дождём, скрипели старые доски, а по утрам меня будило ржание лошадей. Я училась держаться в седле, кормить жеребят, различать травы и понимать, о чём шепчет ветер в высокой траве. Про старую школу, друзей, знакомые улицы и витрины магазинов мне пришлось забыть. Это было не просто «переехать» — это было стереть целую жизнь и начать писать новую с пустой страницы.

Однажды, когда мне было четырнадцать, я каталась верхом на жеребце по полю. Ветер трепал волосы, земля гулко отдавалась под копытами, и весь мир казался огромным, свободным и немного диким. У озера я заметила мальчишку и высокого бородатого мужчину лет сорока. Мальчишка стоял чуть впереди, будто хотел шагнуть к воде, а мужчина держал его за плечо — не грубо, но твёрдо, словно удерживал от чего-то. Я предположила, что это его отец, хотя борода сильно старила мужчину, придавая ему вид человека, который слишком много видел и слишком долго молчал.

Я натянула поводья и остановилась в тени ивы, будто боялась спугнуть этот чужой, но такой живой момент. Мальчишка что-то резко сказал, взмахнул рукой, мужчина ответил спокойно, почти тихо — и в этой тишине между ними чувствовалось что-то большее, чем просто разговор. Может быть, привычная близость, которую не нужно подтверждать словами. А может, тяжёлый разговор, который тянется уже давно.

В ту секунду я вдруг остро почувствовала, как мне не хватает такого же тихого, уверенного голоса рядом — того, который не кричит, а просто говорит: «Я здесь, ты не одна». Я смотрела на них и думала, что, наверное, именно так и выглядит семья: не идеальная, не всегда спокойная, но настоящая. И в груди что-то сжималось от тоски и одновременно от робкой надежды — может быть, и у меня когданибудь будет кто-то, кто вот так же просто будет стоять рядом, даже если вокруг снова будет лить дождь.

Рядом с ними стояли красивые стройные лошади. Видимо, они остановились, чтобы напоить их водой. Я следила за происходящим, как будто агент на секретном задании, но меня выдал мой жеребец — он вдруг фыркнул, встряхнул гривой и сделал шаг вперёд, будто решил, что прятаться больше не имеет смысла.

Мальчик и мужчина обернулись в мою сторону, и уже скрываться не было смысла. Они оглянулись и смотрели прямо на меня. А мальчик робко и как будто дружелюбно помахал мне рукой, указывая, чтобы я шла к ним. Я стояла минут пять, а может, и десять, вцепившись в поводья так, что пальцы побелели. Внутри всё сжималось от неловкости: я привыкла держаться в стороне, не лезть к чужим людям, не искать чужого внимания.

Тогда мужчина крикнул: «Может, твоя лошадь тоже хочет пить?» И знаете, каково было моё удивление — мой жеребец сам пошёл по направлению к озеру. Я не смогла его остановить: он будто точно знал, что сейчас ему туда надо, и тянул меня за собой, не оставляя выбора.

Я подобралась поближе и встала в пяти метрах от незнакомцев, всё ещё не решаясь подойти вплотную. Сердце колотилось где-то у самого горла, а в голове крутилась одна мысль: «Зачем я вообще сюда поехала? Почему не развернулась и не поехала обратно?»

— Сегодня жаркая погода, озеро как нельзя кстати, чтобы утолить жажду, — тихо сказал мужчина, но в его голосе не было ни насмешки, ни раздражения — только спокойная, привычная доброта, какая бывает у людей, которые много времени проводят на природе и умеют говорить с миром тихо, без спешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.